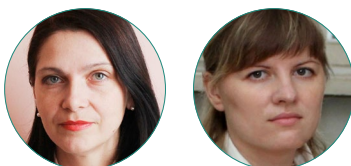

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600

Н. П. Касаткина, Н. В. Шумкова

ОТ САМООБРАЗОВАНИЯ К САМОЗАНЯТОСТИ: НЕПАРАДНЫЙ ВХОД МОЛОДЕЖИ НА РЫНОК ТРУДА

Правильная ссылка на статью:

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

For citation:

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2020) From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

ОТ САМООБРАЗОВАНИЯ К САМОЗАНЯТОСТИ: НЕПАРАДНЫЙ ВХОД МОЛОДЕЖИ НА РЫНОК ТРУДА

КАСАТКИНА Наталья Петровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; доцент кафедры социологии, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-MAIL: kasatkina-rri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>

ШУМКОВА Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-MAIL: niiregion@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>

Аннотация. В статье раскрываются причины, стимулирующие самоорганизационное поведение молодежи на рынке труда, которое понимается как конструирование трудовых карьер, альтернативных традиционным социальным практикам. Самозанятость рассматривается в качестве специфичной трудовой карьеры, имеющей бинарный алгоритм выбора: добровольная либо вынужденная стратегия. Цель исследования — анализ роли формального образования и самообразования в карьере самозанятых.

Эмпирическую базу исследования составляют данные авторского анкетного опроса молодежи Республики Мордовия в возрасте 18—35 лет ($n = 490$, апрель — май 2019 г.); онлайн-опроса, проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» среди

FROM SELF-EDUCATION TO SELF-EMPLOYMENT: BACK ENTRANCE FOR YOUTH TO THE LABOR MARKET

Natalya P. KASATKINA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow; Assistant Professor at the Department of Sociology

E-MAIL: kasatkina-rri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>

Natalya V. SHUMKOVA² — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the Department of Sociology

E-MAIL: niiregion@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>

¹ Scientific Center for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article provides insight into the causes of youth self-organization labor behaviour implying construction of careers alternative to traditional social practices. Self-employment is considered as a particular career path with a binary algorithm of choice: voluntary or forced strategy. The article aims to analyze the role of formal education and self-education in the careers of the self-employed.

Empirical basis of the study includes the data of a questionnaire survey conducted by the authors among young people aged 18–35 living in the Republic of Mordovia ($n = 490$; April–May 2019); an online survey conducted by the Scientific Center for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia among the final-year students ($n = 1,943$;

студентов выпускных курсов трех вузов Республики Мордовия ($n = 1943$, март — май 2019); а также серии полустандартизированных и фокус-групповых интервью, проведенных авторами в 2019—2020 гг. среди самозанятой молодежи Республики Мордовия (критерии отбора — наличие опыта самозанятости более 1 года, возраст от 18 до 35 лет).

Согласно полученным данным, выбор молодежью самозанятости носит скорее вынужденный характер. Он вызван маргинализацией профессионального статуса, свидетельствующей о дисфункции института высшего профессионального образования. Кризис профессиональной идентичности, невостребованность полученного образования на рынке труда, осознание недостаточности имеющихся знаний и навыков стимулируют поиск способов повышения конвертируемости своего человеческого капитала и возможных путей адаптации к неопределенности на рынке труда. Бэкграунд формального образования в карьерах самозанятой молодежи способствует развитию *soft skills* (неспециализированных надпрофессиональных навыков) и в то же время характеризуется обесцениванием *hard skills* (профессиональных компетенций). Набор востребованных навыков на рынке труда достраивается самозанятыми с помощью самообразования. Молодежь реализует «дисперсивную модель» развития собственного человеческого капитала не только в системе формального образования, но и посредством неформального и информального обучения, приобретая разнообразные по профессиональному содержанию умения и навыки.

March–May 2019); semi-structured and focus group interviews conducted by the authors among self-employed young people in the Republic of Mordovia in 2019–2020 (selection criteria: self-employed experience of more than one year; age: 18–35).

The data obtained suggest that self-employment is likely to be a forced choice. It is caused by marginalization of professional status revealing a higher education's dysfunction. Crisis in professional identity, lack of demand for the diploma in the labor market, conscious awareness of skill shortage push youth to search for ways to enhance convertibility of human capital and to adapt to uncertain labor conditions. Formal educational background encourages soft skills (non-specialized trans-professional skills) and downgrades hard skills (professional competence). Self-education helps the self-employed to acquire the missing skills which are in demand in the labor market. Young people adhere to a dispersive model of human capital development not only in formal education but also in their non-formal and informal learning in an attempt to acquire diverse professional skills.

The study shows that self-education practices play an important role in choosing alternative career paths enabling young people's integration into the modern labor market.

Данное исследование демонстрирует, что самообразовательные практики выполняют важную роль в формировании альтернативных карьерных траекторий молодежи, позволяющих интегрироваться в современный рынок труда.

Ключевые слова: молодежь, карьера, самозанятость, самообразование, рынок труда

Keywords: youth, career, self-employment, self-education, labor market

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта «Социальное пространство рынка труда Республики Мордовия: самозанятость молодежи» (№ 18-411-130016 p_a).

Acknowledgments. The paper is funded by the RFBR and the Government of the Republic of Mordovia in the framework of the Social Space of the Labor Market in the Republic of Mordovia: Youth Self-Employment research project (No. 18-411-130016 p_a).

Введение

Самозанятость — одна из стратегий самоопределения на рынке труда. Она, в отличие от стандартной — и пока идеальной — модели трудоустройства (по найму на полный рабочий день и по полученной профессии), характеризуется значительной индивидуализацией сопутствующих практик.

В этом смысле самозанятая молодежь выступает в роли агента, изменяющего структуру общества через ценности и модели поведения [Гидденс, 2005]. В доказательство можно привести следующие аргументы: самозанятость — это проявление предпринимательской активности молодежи, которая сама по себе несет инновационный потенциал [Большухина, 2015]; это модель адаптации к новым условиям рынка труда [Стребков, Шевчук, Спирина, 2016] и вариация новых трудовых траекторий (так называемые портфельные, безграничные и протейские карьеры) [Хэнди, 2001; Hall, Mirvis, 1995; Arthur, Rousseau, 1996; Briscoe, Hall, 2006]; источник новых смыслов трудовой и жизненной карьеры: «от того, что делаешь, вполне можно получать удовольствие. Делай хорошо ту работу, которая позволяет по-настоящему выразить себя. Используй свою свободу для того, чтобы взять на себя ответственность за работу. Сам решай, что такое успех» [Пинк, 2005: 89]; нестандартное мировоззрение, в котором значимость статусного престижа (и/или формального социально-профессионального статуса) уходит на второй план [Ильин, 2015].

Вместе с тем теневой характер молодежной самозанятости ставит вопрос о том, «кто перед нами — свободные творцы/само-предприниматели или новый угнетаемый класс — прекариат» в условиях, когда о «тотальном постиндустриальном повороте в области трудовых отношений говорить все еще преждевременно» [Омельченко, Сабирова, Крупец, 2015: 11].

Согласно Гаю Стэндингу, прекарный характер труда отличается неустойчивостью финансовых и профессиональных перспектив, дискриминацией на рынке труда [Стэндинг, 2014]. На прекарное положение самозанятых указывает модель сегментации рынка труда Джона Аткинсона [Atkinson, 1985], помещающая их на внешней периферии рынка. Перемещение молодежи в этот сегмент можно расценивать как индикатор неудачи в попытке социального продвижения, своего рода «непарадный» вход на рынок труда. Поскольку переход по сегментам ограничен, вероятность консервации в этом социальном статусе попадающей туда молодежи достаточно велика.

Амбивалентный характер молодежной самозанятости усложняет понимание ее социального механизма. Соглашаясь с мнением Энтони Аткинсона, принципиально важно понимать, насколько добровольна нестандартная занятость: «нужно различать тех, кто сознательно предпочел трудиться неполную рабочую неделю, — и тех, кто не может найти обычную полноценную работу» [Аткинсон, 2018: 244]. Это ориентирует на выявление факторов, выталкивающих (вынуждающих) и притягивающих в эту сферу социальных практик.

Относительно молодежной самозанятости ключевой детерминантой выступает образование как главный ресурс накопления человеческого капитала [Беккер, 2003]. В условиях, когда социально успешный образовательный бэкграунд имманентно связан с высшим образованием, особая ответственность за перспективы трудовой биографии молодежи отводится именно этому социальному институту. В настоящее время институт высшего образования претерпевает существенные изменения, что оказывает влияние на эффективность его профессионально-социализирующей функции.

В последние два десятилетия исследователи указывают на трансформацию социальной роли высшего образования не только в России, но и за рубежом [Альтбах, 2018]. Изменения неразрывно связаны с его массовизацией, «превращением в социальную норму» наличия высшего образования — «чем выше доля обладателей высшего образования в стране, тем больше потери тех, кто его не имеет» [Гимпельсон, 2016: 130]. В ответ на общественную потребность институт высшего образования отреагировал коммерциализацией — ориентацией на предоставление образовательных услуг и формированием концепции «метাপредпринимательской институции» [Фуллер, 2018: 13]. Катализатором этой реакции стал «развал» социального государства, который привел высшие учебные заведения в состояние финансовой и институциональной нестабильности [там же: 15].

Получаемые в результате социальные эффекты стали «противоестественными» и проявились в виде девальвации дипломов и потерей преимуществ от получения «степени бакалавра или даже магистра», поскольку «на рынок труда выходит больше претендентов, обладающих соответствующим образованием» [там же: 13—14]. Начинается бесконечная погоня за конкурентными преимуществами на рынке труда — дополнительными «маркерами» профессиональной компетентности.

В реакции на растущий спрос на «дистраивание» профессионального образования формальное образование проигрывает более гибкой системе неформального

(корпоративное наставничество, стажировки, тренинги) и информального (самообразование с помощью Coursera, TED, YouTube и т.п.) образования [Нефедова, 2017; Ключарев, Кофанова, 2016]. В частности, фиксируется тенденция распространения различных форм онлайн-образования [Пеккер, 2016; Рощина, Рошин, Рудаков, 2018].

Массовизация и доступность формального высшего образования влечет за собой изменение его социальной ценности. В массовом сознании оно из общественного блага (преумножение совокупного, наднационального человеческого капитала, сохранение академических ценностей и т.д.) постепенно превращается в частное (инструмент социальной мобильности отдельного индивида). В результате вполне логичен вывод, что «вузы и их студенты должны оплачивать существенную часть издержек» [Альтбах, 2018: 61]. Меняется и психология студентов, которые «рассматривают самих себя как потребителей образовательных продуктов» [там же: 100].

Масштабная подготовка кадров с высшим образованием, преимущественно ориентированная на спрос со стороны населения, продуцирует невостребованный человеческий капитал. Так, согласно экспертным оценкам, «четверть обладателей дипломов идут работать на должности, не требующие их уровня образования» [Бутенко и др., 2017: 9]. При этом дело не только в количественном несоответствии предложения и спроса. Еще более «драматичный» характер имеет дисбаланс профессиональных структур воспроизводимого капитала и спроса на него. По расчетам Натальи Тихоновой, «среди профессионалов почти 60% работают не по полученной и не по смежной с ней специальности» [Тихонова, 2017: 141].

Возросшая доступность и широкий ассортимент образовательных услуг в вузах не всегда успешно решают задачи профессиональной подготовки [Двенадцать решений..., 2018; Клячко, 2017]. По результатам исследования Дмитрия Попова и Анны Стрельниковой, «в России не наблюдается прямой зависимости между уровнем образования и измеренной грамотностью, то есть формальное образование не является надежным индикатором обладания теми или иными компетенциями, не гарантирует их освоение и передачу» [Попов, Стрельникова, 2017: 275].

В условиях девальвации дипломов и проявления дисфункций в профессионально-социализирующей роли высшего образования инструментальная ценность вузовского бэкграунда сохраняется за счет не столько профессиональных компетенций (*hard skills*), сколько за счет неспециализированных надпрофессиональных навыков (*soft skills*) [Lippman et al., 2015]. С *soft skills*, под которыми понимается широкий набор компетенций — социально-коммуникативные (умение общаться, работать в команде, предупреждать и разрешать конфликты), когнитивные (навыки критического анализа, тайм-менеджмента), эмоциональный интеллект [Раицкая, Тихонова, 2018; Малова, 2019], — связываются перспективы повышения индивидуального и совокупного человеческого капитала.

В формировании *soft skills* в вузах значительная роль принадлежит так называемой скрытой учебной программе, «функция которой заключается в передаче целого шлейфа значений, знаний, опытов, устоявшихся практик, которые не вы-

ражены эксплицитно и не подтверждены документально» [Дудина, 2005: 101]. Она формирует определенный габитус посредством интернализации структуры академических практик и университетского (академического) поля. Общие академические компетенции, приобретенные в процессе высшего образования, не окупаются непосредственно, но играют значительную вспомогательную роль при обучении навыкам, имеющим прямую отдачу на рынке труда и более эффективно приобретаемым вне системы образования» [Heijke, Meng, Ramaekers, 2002: 750].

Таким образом, механизм перемещения молодежи в самозанятость рассматриваются в парадигме соотношения «действие — структура». Выявляется степень выраженности роли молодежи как агента новых социальных практик. Принуждающее влияние структуры изучается сквозь призму функций высшего образования.

Стоит отметить, что при экстраполяции выводов исследования следует учитывать специфичность региональной ситуации. Поскольку граница между «сильными» и «слабыми» университетами проходит по линии «центр — периферия», региональные вузы характеризуются как неселективные [Аузан, 2013; Прахов, 2015; Рощин, Рудаков, 2016; Клячко, 2017] и продуцирующие «большое число низкоквалифицированных и неконкурентоспособных на профессиональном рынке труда специалистов» [Клячко, 2017: 50]. Дисфункциональную роль высшего образования в регионах следует признать более выраженной.

В рамках данной работы на примере молодежи отдельно взятого региона мы попытались выяснить, какими путями приходит в самозанятость современная молодежь и какую роль в выборе стратегий самозанятости играют институты современного образования.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы предлагаемого исследования были использованы:

1. Материалы пилотажного фокус-группового исследования, три этапа которого проведены в феврале — апреле 2019 г. (количество участников в каждой фокус-группе — шесть человек). Критерии отбора участников: проживание на территории Республики Мордовия, наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как постоянный источник дохода продолжительностью не менее года), возраст от 18 до 35 лет. Цель исследования — выявление мотивов выбора самозанятости.

2. Результаты авторского социологического исследования, проведенного среди молодежи Республики Мордовия (анкетирование, $n = 490$, апрель — май 2019 г.). Выборка комбинированная, многоступенчатая с применением квотного и случайного отбора; репрезентирует структуру молодежи республики в возрасте от 18 до 35 лет по полу, возрасту, характеру первичной занятости и типу поселения. Цель исследования — определение масштабов распространения молодежной самозанятости в Республике Мордовия.

Доля «чистых» самозанятых в выборке составляет 27 % (132 чел.). Это респонденты, идентифицировавшие себя в качестве занимающихся предпринимательской деятельностью без привлечения наемных работников (с регистрацией и без регистрации), а также респонденты, которые напрямую не идентифицировали

себя с предпринимательством, однако на регулярной основе производили товары и оказывали услуги, используя этот способ заработка в качестве основного¹.

3. 10 полужформализованных интервью с самозанятой молодежью (январь — март 2020 года). Критерии отбора в выборку: проживание на территории Республики Мордовия, возраст от 18 до 35 лет, наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как основной источник дохода). Продолжительность каждого интервью — около 30 минут. Цель исследования — анализ факторов, влияющих на образовательные и трудовые траектории самозанятой молодежи в регионе.

4. Вторичный анализ данных анкетного опроса², проведенного среди студентов выпускных курсов вузов Республики Мордовия ($n = 1943$, март — май 2019 г.). Сплошной опрос студентов проведен методом онлайн-анкетирования посредством сервиса Google Forms. Для получения данных, репрезентирующих генеральную совокупность, осуществлен ремонт выборки с использованием процедуры перевзвешивания. Цель исследования — анализ мотивов выбора профессии и трудоустройства выпускников вузов в регионе. Данные исследования используются при анализе образовательного бэкграунда молодежи с высшим образованием для выявления модели профессиональной социализации самозанятых.

В качестве методов анализа качественных данных использовался метод аналитической индукции³. Обработка и анализ полученной количественной информации проводились с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics 21 и программы Microsoft Excel 2010. Применялись процедуры факторного и двухэтапного кластерного анализа, дескриптивной статистики и поиска связей между признаками.

Результаты исследования

Молодежная самозанятость: стиль жизни или «непарадный» вход на рынок труда?

Какова степень свободы в выборе самозанятости? Это один из принципиальных вопросов, ответ на который позволяет охарактеризовать ее природу: либо это продукт дисфункциональности социальных институтов, либо элемент формируемых молодежью постиндустриальных социальных практик.

По данным опроса молодежи Республики Мордовия⁴, 73 % самозанятых в качестве основной причины выбора своей деятельности назвали «желание больше зарабатывать», что, с одной стороны, находится в русле притязаний современной молодежи, а с другой — можно расценивать как следствие дискриминированности по размеру оплаты труда и низкой доступности рабочих мест, удовлетворяющих притязаниям молодежи. С этой точки зрения мотив «больше зарабатывать» можно интерпретировать скорее как вынужденный. В то же время принципиальную позицию «не работать по найму», свидетельствующую о добровольности выбора, выражают 37 % самозанятых.

¹ См. подробнее в нашей предыдущей работе [Касаткина, Шумкова, 2019].

² Опрос проведен в рамках проекта ГКУ РМ «НЦСЭМ» при непосредственном участии соавтора данной статьи Н. П. Касаткиной.

³ Качественные данные были подвергнуты теоретическому структурированию — выделению аналитических единиц и их взаимосвязей, которые в дальнейшем были использованы для подтверждения авторских гипотез.

⁴ Здесь и далее в этом разделе: анкетный опрос молодежи Республики Мордовия от 18 до 35 лет; выборка — комбинированная, многоступенчатый отбор с применением квотного и случайного отбора; объем выборки — 490 респондентов, из них самозанятых — 132 (дата проведения — апрель — май 2019).

Каждый опрошиваемый отметил в среднем две-три причины выбора самозанятости, что позволило полученные ответы подвергнуть факторизации методом главных компонент с Варимакс вращением. В результате нами было выделено три значимых фактора⁵, объясняющих 63 % полной дисперсии выборки.

Первый фактор выбора — это поиск альтернатив повышения материального статуса в условиях отсутствия подходящей работы по найму (информативность — 29 %). Высокие значения факторной нагрузки принадлежат следующим переменным: «желание больше зарабатывать», «быть экономически независимым» и «отсутствие подходящей работы».

Второй фактор характеризует нацеленность на повышение профессиональных компетенций (18 %). Он объединяет такие причины, как «желание получить практические навыки» и «стремление получить профессиональный опыт».

Третий фактор, условно обозначенный как «выбор нестандартного стиля жизни» (16 %), характеризуется наибольшей нагрузкой таких переменных, как «желание реализовать свои склонности, способности» и «нежелание работать по найму».

Таким образом, модель выбора самозанятости по содержанию скорее вынужденная, чем добровольная. Она отражает подверженность влиянию внешних условий, в первую очередь сложившихся на региональном рынке труда. Ключевыми обстоятельствами являются узость репертуара предлагаемых рабочих мест, размер оплаты труда и требования к наличию опыта работы.

Отсутствие подходящей работы по найму катализирует активность молодежи в поиске способов конвертации полученного формального образования в социально-профессиональный статус и экономический капитал. Параметры «подходящей» работы оцениваются сквозь призму «гигиенических» факторов: размера заработной платы, удобного графика работы, социальных гарантий, что свидетельствует об укорененности в сознании молодежи установок «работника найма». Поэтому самоорганизация занятости — это скорее реактивная практика, вызванная необходимостью поиска путей адаптации на рынке труда.

Трудовая карьера самозанятых начинается с неудачных попыток работать по найму: либо не удается трудоустроиться по профессии, либо не удовлетворяет содержание труда (более 70 % опрошенных самозанятых имеют опыт работы по найму). Выстраивание трудовой карьеры в русле традиционной модели все более отчетливо «высвечивает» маргинальный характер полученного образования. Это явно иллюстрируется проведенными интервью.

Я закончила экономический факультет, а в дипломе у меня даже не написано, что я экономист. В дипломе написано <...> по специальности менеджмент — и все. Я хотела устроиться на одну хорошую должность в Москве, мне сказали, что я им не подхожу, потому что не написано, что я экономист. И я забила на то, что я экономист... И в итоге я работаю переводчиком⁶. (ФГ № 1, девушка, 22 года, переводчик)

⁵ Ограничением метода факторного анализа является невозможность распространения полученных выводов на всех самозанятых: они применимы к тем данным, на которых построены. Однако полученная модель коррелирует с данными других исследований [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015], что дает основание для верификации.

⁶ Здесь и далее сохранены особенности речи.

После окончания университета я пыталась найти работу по специальности, но все было безуспешно... (Инт. № 6, девушка, 22 года, мастер маникюра)

Я закончила факультет математики и информационных технологий, бакалавриат, и после университета я пошла сразу работать на завод <...> в продажи. Работала я год в финансовом отделе, я думала, мне это нравится. Но проработав там год, я поняла, что это не мое, и ушла. (ФГ № 1, девушка, 23 года, консультант по сетевому маркетингу)

Самозанятость для молодежи выступает также способом накопления конвертируемых практического опыта, знаний и навыков и тем самым выполняет функции «достраивания» необходимых для самореализации в профессии *hard skills*, недополученных в рамках формального профессионального образования. Профессиональная социализация, таким образом, является латентной функцией самозанятости:

...Профессии «информатик-экономист» в госреестре не существует. Поэтому самостоятельно, долгим тернистым путем, разбирался в своей профессии, в данный момент не могу сказать, что обладаю низким или средним уровнем... Институт не дал мне ничего ни по знаниям, ни по навыкам. (ФГ № 1, мужчина, 35 лет, специалист по ремонту электроники)

Сознательный выбор самозанятости как альтернативного стиля жизни с кардинально отличающейся повседневностью, ценностными ориентациями, собственными критериями успеха наименее распространен. В основе первоначальной мотивации здесь доминируют не материальные мотивы, а выраженная приверженность к содержанию выполняемого труда. Интерес к определенному виду деятельности, который изначально реализуется в виде хобби, постепенно трансформируется в трудовую занятость с самостоятельно конструируемыми рутинными практиками. При этом переломным моментом для перехода в самозанятость является признание окружающими продуктов труда, появление на них потребительского спроса.

Ну, рисовать я еще начала в школе. Но как-то не относилась к этому серьезно, думала, что это не профессия. Да и родные про это говорили так. В университете в свободное время я рисовала скетчи, портреты подружек, одноклассниц. Когда они видели мои рисунки, они часто спрашивали: «Почему ты не учишься в ИНК⁷ или не поступила в Архитектурно-строительный?» А я не знала, что ответить. И я все чаще начала думать: может, и вправду нужно было связать свою жизнь с искусством? Одноклассники начали просить нарисовать своих друзей, знакомых — уже за деньги. И тут я задумалась: а что, на этом можно действительно ведь зарабатывать деньги. (Инт. № 9, девушка, 24 года, художник)

Качественные данные наглядно иллюстрируют процесс «выталкивания» молодежи в самозанятость. К основным факторам следует отнести невостребованность

⁷ Институт национальной культуры.

полученной профессии на рынке труда, неудовлетворенность содержанием труда, а также слабую освоенность профессиональных навыков и компетенций.

Тем не менее, несмотря на то, что большинство самозанятых не входит в этот сегмент труда добровольно, в процессе трудовой деятельности многие из них начинают получать удовольствие от такой формы занятости, видеть в ней больше положительных, чем отрицательных моментов, становятся яркими сторонниками подобного образа жизни. На вопрос «Если сейчас поступит предложение, согласитесь ли работать по найму?» однозначное «нет» выбирают 41 %, «скорее нет» — еще 46 % самозанятых.

Образовательный бэкграунд самозанятых: роль hard и soft skills

От случайного выбора профессии к неустойчивой (кризисной) профессиональной идентичности и маргинализации профессионального статуса — типичная модель профессиональной социализации самозанятой молодежи с высшим образованием. Более того, она типична для молодежи в целом: транзит через вуз у большинства не сопровождается формированием устойчивой профессиональной идентичности.

Ретроспективный взгляд на процесс формирования профессионально-образовательного бэкграунда молодежи позволяет констатировать, что одним из предикторов профессиональной идентичности выпускника вуза и стратегии его профессионального развития в целом является первоначальный выбор профессии на входе в вуз. Этот выбор обусловлен, с одной стороны, процессами, происходящими в институте высшего образования (например, прием на невостребованные на рынке труда специальности), с другой стороны, существующими в сознании молодежи установками, связанными с ориентацией на обретение статуса, а не профессии.

Как следствие, в выборе профессии переплетаются свобода и «прямое принуждение» [Ильин, 2017]. Выбор абитуриентом направления подготовки определяется собственными предпочтениями, однако далее он корректируется процедурой селекции по результатам ЕГЭ. Окончательный выбор в пользу желаемой профессии (направления подготовки) зависит от платежеспособности претендента: если последняя низка, то перспектива обучения на «бюджете» зачастую перечеркивает сформированные профессиональные предпочтения.

Можно говорить и о двух ключевых доминантах первичного профессионального выбора: о ценностном отношении к будущей профессии (терминальном либо инструментальном) и о доступности высшего образования. Двухэтапный кластерный анализ данных опроса студентов выпускных курсов высших учебных заведений Республики Мордовия ($n = 1943$), проведенный на основе ответов на вопрос «Каковы основные причины выбора Вами получаемой профессии?» показал масштабность «депрофессионализированного» выбора. Такой выбор характеризуется нацеленностью либо на получение престижной профессии (инструментальное отношение), либо на поступление в вуз на бюджетное место. В результате кластеризации нами были выявлены три различающиеся по доминирующим мотивам группы студентов, которые условно были обозначены как «престижность профессии», «вынужденный выбор», «интерес к профессии».

С целью получения престижной профессии в вуз пришла треть (34 %) студентов. Анализ двумерного распределения по стандартизированным остаткам показывает концентрацию в этой группе обучающихся по таким направлениям, как медицинские (анализ по стандартизированным остаткам⁸, 7,3), экономические (7,0), юридические (4,6) науки, математика и информационные технологии (4,1), а также инженерное дело (2,2).

Наиболее интересна с исследовательской точки зрения категория «вынужденного выбора» (27 %) — это студенты, чья мотивация практически не связана с ценностным отношением к профессии, а подчинена возможности получить высшее образование. Свой выбор они объясняют влиянием внешних факторов: «стечением обстоятельств» и наличием бюджетных мест. Этот сегмент формируется из низкоресурсных социальных групп и пополняет педагогические (6,2) и социогуманитарные (4,3) направления подготовки.

Первые два кластера в совокупности характеризуют распространенность и содержание «депрофессионализованного» типа первичного выбора профессии. К носителям противоположного по смыслу выбора — терминального, выражающегося в ориентации на профессионально-содержательные аспекты профессии, — относятся 39 % студентов. Оценивая в ретроспективе свой выбор, они указали на интерес к избираемой профессиональной области, связь с увлечениями (кластер «интерес к профессии»). В этой категории преобладают поступившие по направлениям подготовки, связанным с культурой и искусством, а также, частично, с образованием и педагогикой (4,2 и 3,3 соответственно).

Таким образом, большинство студентов (более 60 %) при выборе профессии отталкиваются от того, чем бы они хотели заниматься, либо откладывают профессиональное самоопределение, либо ориентируются просто на формальное получение диплома о высшем образовании.

Как показывают полученные данные, наиболее очевидное негативное влияние на формирование профессиональной идентичности на выходе из вуза оказывает «депрофессионализованный» и «вынужденный» выбор. На этапе завершения обучения в преддверии выхода на рынок труда именно у таких категорий студентов отсутствуют устойчивые намерения трудоустроиться по полученной профессии. В их планах трудоустройство по профессии из другой сферы деятельности либо «как получится», то есть опять-таки как позволят внешние условия (стандартизированные остатки 10,4 и 8,9 соответственно). В период обучения в вузе представители этой категории чаще всего вовлекаются во вторичную занятость, которая по своему содержанию далека от профессиональной подготовки в вузе, что вызывает негативные последствия для обучения. Более того, студенты с вынужденным выбором чаще совмещают учебу и самостоятельную занятость.

«Депрофессионализованная» модель получения высшего образования характерна для самозанятой молодежи, о чем свидетельствуют данные опроса⁹. Однако о них нельзя сказать, что они выбирали, руководствуясь мотивом «неважно куда, главное поступить на бюджет». Такие «принуждающие» факторы, как наличие

⁸ Стандартизированный остаток, равный по модулю 1,65 или превышающий его, указывает на значимое расхождение между наблюдаемой и ожидаемой частотами.

⁹ Здесь и далее результаты опроса молодежи Республики Мордовия от 18 до 35 лет; $n = 490$.

бюджетных мест и величина проходного балла, повлияли на выбор направления подготовки в вузе в гораздо меньшей степени, чем в среднем по молодежи (5 % и 5 % против 21 % и 14 % соответственно). Их выбор основывался на инструментальном ценностном отношении к профессии: из соображений престижности и доходности, а также стремления сохранить, воспроизвести, повысить социальный статус. Потенциальные самозанятые — это не выходцы из низкоресурсных социальных слоев, а скорее представители среднего класса.

Материалы качественных исследований подтверждают неустойчивость профессиональной ориентации самозанятых при осуществлении первичного выбора профессии, последующую нереактивность на профессионально-социализирующее воздействие вузовского образования.

Я вообще не знала, куда мне пойти учиться, я не знала, чем я хочу заниматься... Мне нравились иностранные языки, но я их уже знала. Мне там [на факультете иностранных языков] нечего делать. И я все думала, и мне семья сказала: «Если не знаешь, что делать, занимайся тем, чем занимается твоя семья, иди на экономический». Я пошла на экономический, поняла, что это совершенно не мое. Я хотела уйти на первом курсе, я хотела уйти на втором. И мне каждый год говорили: «Потерпи, первый курс — ты еще не поняла всего». Я пошла на второй, мне все еще не нравится, мне говорят потерпеть. Третий курс, и мне все еще не нравится, мне говорят: «Вот четвертый курс будет практика, диплом, тебе понравится». Естественно, про четвертый курс говорить уже нечего, мне никогда это не нравилось, я никогда это не понимала, я просто четыре года потратила там. [Смеется]. Ну, ладно, зато есть корочка. Окончила университет с красным дипломом... (ФГ № 1, девушка, 22 года, переводчик)

Самозанятые сравнительно рано начинают трудовую биографию, чему способствует неудовлетворенность получаемой в рамках формального образования профессией. В период обучения в вузе вектор профессиональной социализации меняет направление на противоположный — на профессиональную десоциализацию.

Данным видом деятельности я занимаюсь совсем недавно, около трех лет. На третьем курсе я поняла, что экономика — это не мое. Начал изучать веб-дизайн. (Инт. № 3, юноша, 25 лет, веб-дизайнер)

Как следствие, содержание труда большинства (62 %) самозанятых не связано с полученной в вузе профессией, что указывает на второстепенную роль приобретенных в вузе *hard skills*. При этом ценность высшего образования не снижается, поскольку сохраняется его «капитализирующая» функция. Человеческий капитал в связи с получением высшего образования возрастает за счет *soft skills*: коммуникативных навыков, навыков креативного мышления и самообразования.

Образование и уровень интеллекта. Как ни странно, образование человека очень сильно помогает человеку зарабатывать деньги в интернете... [Задумался]. <...> Начиная с незначительных, я бы сказал, мизерных сумм, можно научиться увеличивать свой доход многократно. Но повторюсь, что для этого необходимы знания и опыт. Просто

по взмаху волшебной палочки деньги в карман не посыпятся... (Инт. № 7, юноша, 20 лет, SMM-менеджер)

Самообразование самозанятых: дисперсивная модель накопления человеческого капитала

По мнению исследователей, молодежь «чаще, чем любая иная группа, готова преодолевать прекарное состояние», в свою очередь «прекарное состояние может быть преодолено дополнительными инвестициями в образование, социальными перемещениями» [Горшков и др., 2017: 6]. Согласно полученным нами данным, в практики дополнительного образования и обучения вовлечено более половины (58 %) мордовской молодежи в возрасте от 18 до 35 лет.

Наиболее распространенным способом достраивания профессиональных компетенций в молодежной среде является самообразование (23 %), причем среди самозанятых удельный вес выбирающих информальное обучение оказывается практически в два раза выше (41 %). Молодежь реализует не традиционную линейную модель профессионально-образовательной траектории, предполагающую последовательное накопление знаний и опыта в рамках одной профессиональной области, а «дисперсивную», выражающуюся в параллельном получении двух и более профессий и фрагментарно-кумулятивном накоплении компетенций.

Большинство самозанятых (78 %) — активные интернет-пользователи. Причем интернет выступает не только средством производства, поскольку постоянно (для многих — ежедневно) используется для осуществления трудовой деятельности, но и источником профессиональных знаний и навыков. Наиболее популярны различные формы онлайн-обучения: мастер-классы, «тutorиалы» в YouTube, онлайн-курсы с/без получения диплома или сертификата.

Так, знания я свои получал непосредственно с помощью интернета, изучал статьи, книги, читал биографии людей, которые занимаются этим видом деятельности. <...> Тот доход, который я получаю, я знаю то, что... получаю я его с помощью своих знаний. То есть, если обучаться еще больше, будет и заработок больше. (Инт. № 3, юноша, 25 лет, веб-дизайнер)

Самообразовательные практики самозанятых свидетельствуют, что монополия института формального профессионального образования на функцию воспроизводства статусов, ролей, идентичностей постепенно спадает. В свою очередь, стремительно развивается и активно включается в реализацию соответствующих функций информальное образование, организованное в виде дистанционных и виртуальных форм.

Самообразование современной молодежи — продукт «расширения реальности», которое «происходит за счет виртуализации и сращивания разных форм реальности — «онлайн» и «офлайн»... Жизнь современного молодого человека разворачивается в сложном пространстве, созданном цифровизацией и интернет-коммуникациями, где последние являются средствами организации жизни, радикально изменяющими ее структуру» [Зубок, 2020: 12].

Социально-профессиональная идентификация и карьерные планы

Для анализа сформированности социально-профессиональной идентификации самозанятым¹⁰ предлагалось ответить на вопрос: «Что Вы отвечаете, когда Вас спрашивают о том, где Вы работаете, какую должность занимаете? Испытываете ли Вы при этом неловкость?» Полученные результаты говорят, что у большинства информантов сложилась позитивная идентичность самозанятого.

Так и отвечаю: веду социальные сети. <...> Нет, я скорее испытываю больше, так сказать, гордость, потому что я ушел от той работы, которая привязывает меня к определенному месту. (Инт. № 2, мужчина, 24 года, SMM-менеджер)

Ну, когда мне задают такой вопрос, у меня, конечно, сомнений не возникает, никакой неловкости нет. Я прямо отвечаю, что я мастер ногтевого сервиса. (Инт. № 4, девушка, 22 года, мастер маникюра)

Официальным, то есть если, например, в больнице или где-то, когда спрашивают, трудоустроен ли я, то отвечаю — «безработный». Вот, а если как бы друзьям, то говорю, как есть, как вам. (Инт. № 1, мужчина, 25 лет, фотограф)

Фрилансеров (самозанятых интернет-работников) чаще всего смущает не форма их занятости, а трудность репрезентации для окружающих содержания своей профессии. Многие из видов деятельности еще в начале институционализации, поэтому пока находятся вне профессиональной структуры общества.

Да, очень часто. Говорю, что работаю в интернете, в социальных сетях. А бабушкам говорю, что работаю таксистом, чтоб вопросов лишних не было, а то они не поймут. А они говорят: лучше бы нигде не работал, а то работа таксистов опасная очень. [Смеется]. (Инт. № 7, юноша, 20 лет, SMM-менеджер)

Любопытно, что к предпринимателям самозанятые себя относят очень опосредованно, в их представлении предпринимательство связано с наличием определенных атрибутов: регистрация, наличие наемных работников и т. д. В то же время организация в будущем своего бизнеса рассматривается большинством из них как следующая ступень карьерной лестницы. Таким образом, карьерные стратегии самозанятых не связаны со сферой найма, а предполагают легализацию и предпринимательство.

На самом деле есть желание основать свое агентство и работать с более крупными компаниями. Соответственно, я уже буду заниматься просто контролем — так сказать, карьерный рост небольшой. Вот когда у меня получится стать основателем такой компании, тогда это можно считать конечной точкой в моей нынешней деятельности. (Инт. № 2, юноша, 24 года, SMM-менеджер)

¹⁰ В число информантов в данном опросе зарегистрированные индивидуальные предприниматели нами не включались.

Таким образом, «теневая» самозанятость в перспективе может стать основой развития малого бизнеса. Главный барьер в данном случае — отсутствие стартового капитала. По мнению самих незарегистрированных самозанятых, основными мерами стимулирования их легализации являются «оказание помощи в аренде помещений по сниженной стоимости» (69% против 48% по всей выборке) и «предоставление субсидий, грантов на развитие бизнеса» (64% против 34% по всей выборке).

С другой стороны, большинство неформальных самозанятых предпочитают не ставить перед собой четких целей. Малый бизнес видится им лишь в качестве одной из возможных альтернатив, причем не самой оптимальной.

Возможно, в будущем, когда я заработаю достаточное количество денег, я хотела бы открыть свою арт-студию... Но это только в далеком будущем. <...> Я творческий человек, предпринимательство не для меня. Если я буду открывать свою студию, то я лучше найду человека, который в этом разбирается. Если этим буду заниматься я, то у меня не будет времени на рисование. Совсем не будет. (Инт. № 9, девушка, 24 года, художник)

В дальнейшем, возможно, открою свое дело... Да, уже официально. Какое-нибудь рекламное агентство, возможно, связанное с социальными сетями. Вот, наверно. Пока особо не задумывался. Потому что мне нравится то, чем я занимаюсь на данный момент. (Инт. № 7, юноша, 20 лет, SMM-менеджер)

Данная категория молодежи в достаточно высокой степени мобильна и не стремится ограничивать себя рамками одной организации, профессии или территории. Лейтмотивом большинства интервью проходят мысли о свободе перемещения, независимости от условностей работы по найму, возможностях выбора профессиональной деятельности. Достаточно нестандартное понимание успеха, приверженность собственному образу жизни позволяют отнести значительную часть наших информантов к новой, только формирующейся страте работников «нового типа» [Пинк, 2005].

Обсуждение результатов и заключение

Проведенное исследование находится в русле основных подходов к изучению самозанятости, к которым относятся оценка ее положительных и негативных социальных и экономических последствий, поиск модели описания механизмов ее формирования, выявление индикаторных свойств.

Анализ в системе категорий *свободное действие агента — структура, молодежь — образование и рынок труда* позволяет выявить гибридную природу молодежной самозанятости. С одной стороны, это «вынужденная» практика, вызванная дисфункциональными проявлениями со стороны формального профессионального образования (в нашем исследовании — высшего образования). Она выражается в деградации ключевой функции по воспроизводству профессиональных статусов, ролей (идентичностей), компетенций (*hard skills*). С другой стороны, молодежь сама выступает в качестве агента распространения «депрофессионализированной» модели получения высшего образования, что характеризуется второстепенной значимостью профессионально-содержательных компонентов.

«Депрофессионализованная модель» социализации молодежи становится предиктором кризиса профессиональных навыков и идентичности, который обостряется в условиях ограниченности спроса на рынке труда. Следует отметить, что молодежь, социализированная в ценностях «найма», вынуждена конструировать альтернативные практики занятости и нестандартных трудовых карьер. Этому способствуют приобретенные в вузе *soft skills* в виде коммуникативных, когнитивных и иных навыков, которые принято считать результатом «скрытой учебной программы» вуза, а также *hard skills*, «достроенные» посредством самообразования. Так открывается «непарадный вход» на рынок труда, в том числе в его периферийный сегмент — самозанятость.

Наряду с традиционными формальными институтами образования и рынка труда расширяется «серая зона» нестандартных форм взаимодействий и социальных практик. Сюда относятся новые формы и способы самообразования, новые виды деятельности (например, SMM-маркетинг, SEO менеджмент и др.). В условиях плюрализации социальных практик самоопределение человека превращается из «данности» в «задачу», а наиболее востребованными качествами становятся постоянный поиск себя, рефлексивность, самостоятельность.

Способность к проявлению указанной активности, которая сродни с предпринимательской, свойственна молодежи с определенным социальным бэкграундом: это преимущественно выходцы из семей среднего класса, обладающие сравнительно высоким человеческим капиталом.

У самозанятой молодежи формируется устойчивая позитивная идентичность, подкрепленная удовлетворенностью трудом, стилем жизни, что свидетельствует о свободе в конструировании новых моделей реализации собственных жизненных притязаний. Новизна заключается в лабильности к вызовам «текучей современности», в которой основная проблема индивида состоит в ответе на вопрос, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [Бауман, 2005: 117].

Таким образом, самозанятость молодежи не только является индикатором дисфункциональности институтов, но и свидетельствует о появлении новой ценностной парадигмы: от значимости формально подтвержденного образования — к повышению роли навыков и знаний; а также о появлении моделей поведения, характерных для постиндустриального общества.

Экстраполяция полученных выводов ограничена ввиду региональной специфики. Исследование проведено в регионе с высокими количественными параметрами производства кадров с высшим образованием и рынком труда, характеризующимся низкой емкостью, недостатком рабочих мест и неразвитым негосударственным сектором. Эти факторы, несомненно, оказывают влияние на описываемые процессы.

Список литературы (References)

Альтбах Ф. Дж. Глобальные перспективы высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

Altbach Ph. G. (2018) *Global Perspectives on Higher Education*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Аткинсон Э. Б. Неравенство: как с ним быть? / пер. с англ. О. Левченко ; под науч. ред. М. Добряковой. М. : Дело, 2018.

Atkinson A. B. (2018) *Inequality: What Can be Done?* Moscow: Delo. (In Russ.)

Аузан А. А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266—286.

Auzan A. A. (2013) *University Mission: An Economist's Perspective*. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 266—286. (In Russ.)

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005.

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М. : ГУ-ВШЭ, 2003.
Becker G. S. (2003) *The Economic Approach to Human Behavior*. Moscow: State University—Higher School of Economics. (In Russ.)

Большухина И. С. Современное состояние и условия перспективного развития молодежного предпринимательства в России // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 89—109.

Bolshukhina I. S. (2015) *Modern Status and Conditions of Perspective Development of Youth Entrepreneurship in Russia*. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 6. P. 89—109. (In Russ.)

Бутенко В., Полунин К., Котов И., Сычева Е., Степаненко А., Занина Е., Ломп С., Руденко В., Топольская Е. Россия 2025: от кадров к талантам. М. : The Boston Consulting Group, 2017.

Boutenko V., Polunin K., Kotov I., Sycheva E., Stepanenko A., Zanina E., Lomp S., Rudenko V., Topolskaya E. (2017) *Russia 2025: Resetting the Talent Balance*. Moscow: The Boston Consulting Group. (In Russ.)

Гидденс Э. Социология. М. : Едиториал УРСС, 2005.

Giddens A. (2005) *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129—143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>.

Gimpelson V. (2016) *Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubt*. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 129—143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>. (In Russ.)

Горшков М. К., Батыков И. В., Батыкова А. В., Быков А. В., Голиусова Ю. В., Гришина М. А., Демиденко С. Ю., Епихина Ю. Б., Сушко П. Е., Чередниченко Г. А., Черныш М. Ф., Шилова В. А. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. <https://doi.org/10.19181/inab.2017.2>.

Gorshkov M. K., Batykov I. V., Batykova A. V., Bykov A. V., Goliusova Yu. V., Grishina M. A., Demidenko S. Yu., Epikhina J. B., Sushko P. E., Cherednichenko G. A., Chernysh M. F., Shilova V. A. (2017) Youth Employment in the Motivational and Structural Dimensions. Moscow: Institute of Sociology of the FCTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/inab.2017.2>. (In Russ.)

Дудина В. И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 2. С. 93—109.

Dudina V. I. (2005) Expert Cultures and the Hidden Training Program in the Higher Education. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 8. No. 2. P. 93—109. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Доклад // Ученые записки ФНИСЦ РАН. Вып. 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма / отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 6—25. https://www.isras.ru/files/File/publ/Uchenye_zapiski_2020_7.pdf#page=6 (дата обращения: 08.06.2020).

Zubok Yu. A. (2020) Report. In: Gorshkov M. K. (ed.) Scientific Notes of the FCTAS RAS. Vol. 7. Moscow: FCTAS RAS. P. 6—25. https://www.isras.ru/files/File/publ/Uchenye_zapiski_2020_7.pdf#page=6 (дата обращения: 08.06.2020) (In Russ.)

Ильин В. И. Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность // SocioTime / Социальное время. 2015. № 1. С. 78—91.

Ilyin V. I. (2015) Downshifting as Upward Social Mobility. *SocioTime*. No. 1. P. 78—91. (In Russ.)

Ильин В. И. Тренды профессиональной карьеры: между колеей и социальным серфингом // Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (20 апреля 2017) / под ред. Д. В. Коврякова, О. В. Бургонова, Е. В. Ушакова, К. О. Кононова. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. С. 269—276.

Ilyin V. I. (2017) Trends of Professional Career: Between Path Dependency and Social Surfing. In: Kovryakov D. V., Burgonov O. V., Ushakova E. V., Kononova K. O. (eds.) *Modernization of Russian Economy: Foresight and Reality. Collection of Scientific Papers of the IIIrd International Scientific and Practical Conference (April 20, 2017)*. Saint Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. P. 269—275. (In Russ.)

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. № 4. С. 407—414. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>.

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2019) The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 19. No. 4. P. 407—414. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>. (In Russ.)

Клячко Т. Л. Последствия и риски реформ в российском высшем образовании. М.: Дело, 2017.

Klyachko T. L. (2017) The Consequences and Risks of Reforms in Russian Higher Education. Moscow: Delo. (In Russ.)

Ключарев Г. А., Кофанова Е. Н. Самообразование как адаптационный ресурс // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. С. 282—308.

Klyucharev G. A., Kofanova E. N. (2016) Self-Education as an Adaptation Resource. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Russia Reforming: A Yearbook. No. 14*. Moscow: New Chronograph. P. 282—308. (In Russ.)

Двенадцать решений для нового образования: Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / под общ. ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1848-9>.

Kuzminov Ya. I., Frumin I. D. (eds.) Twelve Solutions for a New Education: Report by the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2018. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1848-9>. (In Russ.)

Малова М. М. Роль «мягких» навыков в современной профессиональной деятельности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2019. № 4. С. 150—165. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2019.4.10>.

Malova M. M. (2019) The Meaning of Soft Skills in the Modern Professional Career. *Vestnik of Samara State Technical University. The Series: Psychology and Pedagogics*. No. 4. P. 150—165. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2019.4.10>. (In Russ.)

Нефедова Г. М. Специфика интеграции формального, неформального и информального образования // Научно-педагогическое обозрение. 2017. Т. 17. № 3. С. 127—133. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-3-127-133>.

Nefedova G. M. (2017) Specifics of Integration of Formal, Non-Formal and Informal Education. *Pedagogical Review*. Vol. 17. No. 3. P. 127—133. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-3-127-133>. (In Russ.)

Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А., Крупец Я. Н. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 9—25.

Omelchenko E. L., Sabirova G. A., Krupets Ya. N. (2015) Social Mobility of Youth in the Focus of Triple Reflection. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 7. No. 10. P. 9—25. (In Russ.)

Пеккер П. Л. Востребованность онлайн курсов в России // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 4. С. 73—78.

Pekker P. L. (2016) Demand for Online Courses in Russia. *Modern Information Technologies and IT-Education*. Vol. 12. No. 4. P. 73—80. (In Russ.)

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М. : Издательский дом «Секрет фирмы», 2005.

Pink D. H. (2005) *Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*. Moscow: The Firm's Secret Publishing House. (In Russ.)

Попов Д. С., Стрельникова А. В. Работа, образование и грамотность в России: проблема неконсистентности // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 267—280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>.

Popov D. S., Strelnikova A. V. (2017) Work, Education and Literacy in Russian Society: The Problem of Inconsistency. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 267—280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>. (In Russ.)

Прахов И. А. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88—117. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-88-117>.

Prakhov I. A. (2015) Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 88—117. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-88-117>. (In Russ.)

Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft Skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363>.

Raitskaya L. K., Tikhonova E. V. (2018) Perceptions of soft skills by Russia's university lecturers and students in the context of the world experience. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 15. No. 3. P. 350—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363>. (In Russ.)

Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 74—95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-8-74-95>.

Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2016) The Impact of University Quality on Wages of Russian University Graduates. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 74—95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-8-74-95>. (In Russ.)

Рощина Я. М., Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Спрос на массовые открытые онлайн-курсы (МООС) опыт российского образования // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 174—199. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-174-199>.

Roshchina Ya. M., Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2018) The Demand for Massive Open Online Courses (MOOC): Evidence from Russian Education. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 174—199. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-174-199>. (In Russ.)

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.

Standing G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Стребков, Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009—2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Вып. 16. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2015) Development of the Russian-Speaking Market of Remote Work, 2009—2014 (Based on Data of the Russian Freelancers' Census). Vol. 16. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06>.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2016) Self-Employment in the Remote Work Market: Diffusion of Innovative Labor Practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 89—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 140—165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>.

Tikhonova N. E. (2017) Human Capital of Professionals and Managers: The Condition and Dynamic. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 21. P. 140—165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>. (In Russ.)

Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Дело, 2018.

Fuller S. (2018) *The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and Around the Academy*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Хэнди Ч. Время безрассудства: Искусство управления в организации будущего / пер. с англ. Т. Виноградова, Л. Царук; под общ. ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2001.

Handy Ch. R. (2001) *The Age of Unreason*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Arthur M. B., Rousseau D. M. (1996) Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle. In: Arthur M. B., Rousseau D. M. (eds.) *The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era*. Oxford: Oxford University Press. P. 3—20.

Atkinson J. (1985) Flexibility, Uncertainty and Manpower Management (IMS Report No. 89). Brighton: Institute of Manpower Studies.

Briscoe J. P., Hall D. T. (2006) The Interplay of Boundaryless and Protean Careers: Combinations and Implications. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 69. No. 1. P. 4—18. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2005.09.002>.

Hall D. T., Mirvis P. H. (1995) The New Career Contract: Developing the Whole Person at Midlife and Beyond. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 47. No. 3. P. 269—289. <https://doi.org/10.1006/jvbe.1995.0004>.

Heijke H., Meng C., Ramaekers G. (2002) An Investigation into the Role of Human Capital Competences and their Pay-Off. *International Journal of Manpower*. Vol. 24. No. 7. P. 750—773. <https://doi.org/10.1108/01437720310502113>.

Lippman L. H., Ryberg R., Carney R., Moore K. A. (2015) Workforce Connections: Key 'Soft Skills' that Foster Youth Workforce Success: Toward a Consensus across Fields. Washington, DC: Child Trends. URL: <https://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2015/06/2015-24WFCSoftSkills1.pdf> (дата обращения: 07.06.2020).